

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

№ 3

МОСКВА
2021

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Редакция сочла полезной републикацию в выпуске, посвященном орфографии, двух работ классиков отечественной русистики — статьи Г.О. Винокура «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. (Словарь Академии Российской, 1788–1794)» и фрагмента из предисловия к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка. В статье Г.О. Винокура автор на основании собранного богатого материала показывает, как Словарь Академии Российской, широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, шел к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная с 30-х годов XVIII века. В предисловии к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняк пишет, что имена собственные, которые являются важной составной частью лексического фонда языка, в соответствии с давней лексикографической традицией практически не представлены в словарях. Представляется, что принципы отбора имен собственных для словника Грамматического словаря, проблемы вариативности ударения и фонетического состава слова, разнонаправленные тенденции, которые действуют при выборе того или иного произносительного варианта имени, могут быть в полной мере применимы и к словникам орфографических словарей, и к представлению в словарях орфографических вариантов имен собственных.

А. А. Зализняк

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ «ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ» В «ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»¹

Принципы отбора имен собственных

В приложении содержится некая не слишком узкая выборка имен собственных, которая призвана скомпенсировать односторонность словника первых изданий настоящего словаря, где в соответствии с давней лексикографической традицией никак не представлена эта важная составная часть лексического фонда языка.

Количество имен собственных — от часто употребляемых до потенциальных — в любом языке почти безгранично. Ни о каком полном их списке не может идти и речи в принципе. В нашу выборку входит лишь очень незначительная их часть. К сожалению, процедура отбора здесь, как и вообще в лексикографии, остается наименее строгой из всех операций, из которых складывается деятельность лексикографа. Можно указать — и то лишь в весьма нестрогих терминах — только основные установки, соблюдавшиеся при отборе. Их две; для включения имени собственного в выборку достаточно, чтобы оно удовлетворяло хотя бы одной из них.

Первая установка состоит в том, чтобы выборка по возможности полно охватывала те группы имен собственных, где определение рода или типа склонения может вызывать затруднение, и те словоизменительные модели, которые слабо представлены (или даже вообще отсутствуют) в корпусе имен нарицательных, т. е. характерны в первую очередь именно для имен собственных. Тем самым должна быть обеспечена эффективность словаря при его использовании для различных практических целей, а также должна получить более полное решение его собственно грамматическая задача — охватить все словоизменительные модели, существующие в русском языке, и отразить их примерные количественные соотношения.

Во исполнение этой установки в приложение включено значительное количество топонимов, в том числе и малоизвестных, у которых затруднено определение рода или которые принадлежат к относительно редким словоизменительным моделям. В частности, особенно широко по этой причине представлены названия рек (в первую очередь российских). Этой же установкой определяется включение

¹ Источником публикации являются два издания: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Русские словари, 2003; Изд. 6-е, стер. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 800 с. {Примеч. ред.}

многих групп уменьшительно-ласкательных имен и ряда других особых групп имен собственных. В этом же состоит одна из причин того, что в приложение в качестве отдельных статей включено заметное число наименований, состоящих из двух или более слов, например *Жю#ль Ве#рн*, *Ома#р Хайям#* (поскольку здесь возникает вопрос, склоняются ли обе части такого наименования или только вторая).

Другая установка состоит в том, чтобы включать в выборку просто наиболее известные имена собственные, независимо от характера их словоизменительной модели. Несколько детальнее это можно представить так. Прежде всего, в приложение включаются все имена собственные, образующие то, что можно назвать их первым концентром, — а именно, известные практически всем взрослым носителям русского языка. Кроме того, включаются, но уже без претензии на полноту, имена собственные второго центра, т. е. такие, которые известны большинству образованных русских людей, даже если не принадлежат к сфере их прямой специальности.

Нет нужды пояснять, сколь мало определенности в этих требованиях и сколь велика здесь может быть доля гипотетичности и субъективности. Читатель несомненно очень быстро найдет, что такого-то имени собственного не хватает, а такое-то включено напрасно. Есть много шансов, что первое будет принадлежать к близкой лично ему сфере, а второе к далекой. К сожалению, даже если принять его поправки, границы выборки останутся, как и прежде, нестрогими.

Таким образом, словник нашего приложения имеет в значительной мере экспериментальный характер. Вероятно, со временем он сможет быть усовершенствован. Смириться с неизбежностью частных недостатков словника до некоторой степени помогает лишь то, что для основных задач грамматического словаря эти недостатки имеют второстепенное значение.

Из более частных особенностей нашей выборки отметим следующие.

В приложение включено большое число личных имен — как русских, так и тех иностранных, которые достаточно широко известны из литературы и из международного культурного общения. Приводятся также многие гипокористические (уменьшительно-ласкательные) производные, прежде всего для русских имен; но в этом пункте мы все же ограничиваемся лишь небольшой их частью, поскольку возможности образования этой категории имен почти безграничны.

В приложение входит также некоторое количество фамилий — разумеется, совершенно ничтожная часть их общего фонда. Основной принцип отбора здесь таков: включаются а) самые распространенные русские фамилии, б) из не самых распространенных русских и из любых иностранных — те, у которых есть широко известные носители (из числа либо реальных людей, либо литературных персонажей). Таким образом, нашу выборку никоим образом не следует рассматривать просто как некий перечень знаменитостей². Включение в словарь некоторого числа

² При этом, однако, в тех случаях, когда фамилия из группы «б» предстает в несколько различных вариантах у знаменитого ее носителя и у рядовых (см. сноску 3), в нашем списке дается, если специально не оговорено иное, вариант, применяемый к знаменитому носителю.

фамилий известных литературных персонажей позволит читателю получить отсутствующие в других справочных источниках сведения о том, с каким ударением обычно произносятся эти фамилии носители русского языка.

В особом положении находятся отчества. В нашу выборку они в качестве самостоятельных статей вообще не включаются, поскольку это без особой необходимости привело бы к резкому увеличению объема приложения: вместо каждого мужского личного имени в списке фигурировало бы, кроме него самого, еще два регулярных производных от него, скажем *Алекса#ндрович* и *Алекса#ндровна* от *Алекса#ндр*. Вместо этого приводятся правила регулярного образования отчеств от личных имен (см. ниже) и в нашей выборке специальными пометами отмечают-ся те имена, которые отклоняются от этих правил.

Специально подчеркнем, что не следует смешивать предлагаемый список имен собственных со справочником по «правильной» транскрипции иностранных названий и имен или со сводкой единиц современной политической географии. В силу общей ориентации на традиционный культурный фонд наш список неизбежно несколько отстает и от сегодняшней политической географии, и от текущей практики средств массовой информации. Заметим, что по этой же причине в выборку сознательно не включены имена собственные (людей, мест), которые стали актуальны и общеизвестны лишь совсем недавно. Необходима некоторая временна#я дистанция, чтобы оценить, какие из них действительно войдут в общекультурный фонд русского человека и какие окажутся однодневками.

Указанная ориентация неизбежно приводит также к тому, что разные зарубежные страны представлены в нашей выборке совершенно неодинаковыми количествами имен и топонимов. В отличие от энциклопедии, наш словарь непосредственно отражает в этом вопросе тот факт, что география, история, литература и искусство, скажем, Италии и Ирана были традиционно знакомы русскому обществу в неодинаковой степени.

Одно и то же слово в принципе может фигурировать в основной части словаря (в качестве имени нарицательного) и в приложении (в качестве имени собственного), например *би#блия* (как физический предмет) и *Би#блия* (как текст). Мы стремились, однако, обойтись в этом вопросе некоторым минимумом, не считая нужным автоматически отражать все разнообразные случаи, когда имя нарицательное в силу ситуации возводится в ранг собственного. Такая цель разумна, например, для орфографического словаря, который должен служить руководством в числе прочего и в вопросе о написании строчной или прописной буквы. Но для грамматического словаря существенно прежде всего то, что почти во всех этих случаях слово сохраняет свои словоизменительные характеристики. Поэтому стремление в данном вопросе к полноте здесь означало бы просто увеличение числа продублированных статей. Соответственно, читатель не найдет в нашем приложении, например, статей *Бог*, *Земля#*, *Со#лнце* и ряда других подобных. По тем же мотивам мы крайне скупно включаем в приложение составные топонимы типа *Охо#тный Ряд* или типа *Голубо#й Ни#л*, поскольку они с грамматической точки зрения представляют собой простую сумму своих составных частей (дающую к тому же громоздкую статью).

Проблема вариативности ударения и фонетического состава у имен собственных

Проблема вариативности ударения и фонетического состава актуальна прежде всего для имен собственных иноязычного происхождения.

В современном русском языке фонетический состав и ударение иноязычных имен собственных являются объектом противоборства двух разнонаправленных тенденций. Первую из них можно назвать консервативной (или руссконаправленной), вторую — мондиализаторской (или иноязычнонаправленной).

Первая тенденция состоит прежде всего в том, чтобы сохранять у имени собственного фонетическую форму и ударение, закрепленные в литературном употреблении XIX — первой половины XX века. Для имен собственных, появившихся (или вошедших в широкое употребление) позднее, данная тенденция проявляется значительно слабее; она состоит здесь в том, чтобы применять те же способы «пересчета» с иноязычного произношения и ударения, которые реализованы в традиционном фонде таких наименований. С исторической точки зрения этот традиционный фонд сформировался как результат действовавшей на протяжении всей истории русского языка тенденции к освоению (русификации) иноязычных названий и имен, т. е. к тому, чтобы придать им фонетическую форму, по возможности близкую к исконным русским словам, и такое ударение, которое преобладает у исконных русских слов сходной фонетической структуры. И в том и в другом отношении при реализации этой тенденции возможно удаление, иногда довольно значительное, от иноязычного источника.

Вторая тенденция состоит в том, чтобы как можно больше приблизиться к современному звучанию слова в языке-источнике и сохранить его ударение (если в этом языке вообще существует просодическое выделение, хотя бы отдаленно сходное с русским ударением).

Так, например, первая тенденция дает *Ваши́нгто́н*, вторая — *Уо́шингтон*. Другие примеры: *Ви́льям* — *Уи́льям*; *Вестми́нстер* — *Уэ́стминстер*; *Ге́йдельбе́рг* — *Ха́йдельберг*; *Ге́йне* — *Ха́йне*; *Ге́нря* — *Дже́нова*; *Па́дуя* — *Па́дова*; *Бристо́ль* — *Бри́стол*; *Манче́стер* — *Ма́нчестер*; *Флори́да* — *Фло́рида*; *Босто́н* — *Бо́стон*; *Ньюто́н* — *Нью́тон*³.

Консервативная тенденция свойственна в первую очередь большинству представителей староинтеллигентской, театральной, писательской, филологической, искусствоведческой и т. п. среды.

Противоположная тенденция характерна для двух несходных категорий носителей языка. Во-первых, это люди, непосредственно соприкасающиеся в своей практической деятельности с соответствующей страной (журналисты, бизнесмены,

³ Следует отметить, что в именах людей первая тенденция распространяется только на знаменитых персонажей прошлого, но не на их нынешних однофамильцев. Например, современные носители фамилий *Bacon*, *Halley*, *Heine* будут названы *Бе́йкон*, *Ха́лли*, *Ха́йне*, а не *Ба́кон*, *Галлэ́й*, *Ге́йне*.

коммерсанты, люди технических профессий и т. д.)⁴, в большинстве своем слабо связанные с русской литературной традицией. Вот показательный отрывок из разговора москвички с эмигранткой, живущей в Мельбурне: «Интересно: Вы говорите *Мельбурн*. А мы здесь в России говорим *Мельбу́рн*». — «Понимаете, я ведь о таком городе никогда и не слыхала, пока туда не попала. Вот я и говорю, как там».

Во-вторых, это работники картографических ведомств и энциклопедий, а вслед за ними и составители инструкций для работников радио и телевидения. К сожалению, в их среде тезис «Правильное ударение — это то, которое совпадает с ударением в языке-источнике» ныне приобрел почти характер аксиомы; такое ударение воспринимается как «научное», а традиционное ударение — как «ненаучное». В результате многие указания энциклопедий и других подобных изданий (скажем, ударения *Циммервальд*, *Гутенберг*, *Маннергейм*) получают по сути дела характер справок о ситуации в языке-источнике (и в качестве таковых могут быть вполне полезны), но о том, как реально произносятся эти названия по-русски, фактически сведений не дают. Существенно, однако, то, что многие дикторы, подчиняясь инструкциям и насилуя свое языковое чутье, действительно произносят *Маннергейм* и т. п.

Противопоставление русифицированных и нерусифицированных обликов иноязычного названия есть не что иное, как частный случай широко представленного в разных сферах русского языка противопоставления освоенного и неосвоенного. Любые заимствованные слова, будь то имена собственные или имена нарицательные, подвергаются в ходе истории русского языка той или иной степени русификации. Чем прочнее слово вошло в словарный состав русского языка, тем эта русификация последовательнее и устойчивее. Так, нем. *Jahrmarkt* превращается в русском языке (куда оно попало через польское посредство) в *ярмарка*, нем. *Feldwebel*, англ. *hooligan* (оба с ударением на первом слоге) — в *фельдфебель*, *хулига́н* и т. п. Никому не приходит в голову требовать, ссылаясь на немецкий и английский язык, чтобы вместо *ярмарка* говорили *ярма́рт*, вместо *фельдфебель* — *фе́льдвебель*, вместо *хулига́н* — *ху́лиган*. Между тем требование говорить *Гутенберг* носит именно такой характер.

Реальное функционирование языка не дает никаких оснований для подобного противопоставления имен собственных и имен нарицательных. И среди тех и среди других есть слова более употребительные и менее употребительные, соответственно выступающие как освоенные для большинства носителей языка или только для их небольших групп. Слова *Рим*, *Пари́ж*, *Стокго́льм*, *Цицеро́н*, *Гутенбе́рг*, *Гё́йне* принадлежат к активно используемой части словарного состава русского языка в не меньшей степени, чем, например, *по́люс* или *ора́тор*, между тем как множество нарицательных имен (скажем, *шерхе́бель* или *голоту́рия*) к этой части не принадлежит.

⁴ Особую маленькую группу, лишь отчасти сходную с указанной здесь, составляют филологи — специалисты по некоторому иностранному языку. Не все, но многие из них, даже зная литературную традицию, предпочитают употреблять имена собственные, пришедшие из «их» языка, с ударением языка-источника, например: *Сце́вола*, *Кали́гула* (у латинистов), *Пави́я*, *Мо́дена* (у итальянистов), *Ко́рдова*, *Херэ́с* (у испанистов). В этом случае такие ударения можно расценивать как профессионализмы.

Существенное для лексикографа различие состоит, таким образом, не в том, относится ли иноязычное слово к числу имен собственных или нарицательных, а в степени его известности и употребительности. Сложность в том, что между одним полюсом, представленным словами вроде *Рим*, *Пари́ж*, *Цицеро́н*, и другим, где находится, например, название африканской деревни, которую посетил журналист, возможны все промежуточные ступени. Первые несомненно должны фигурировать в словарях, энциклопедиях, справочниках и т. п. в их традиционном облике. Для вторых, если они вообще попадают в печать или на радио, ничего не остается, как воспроизвести русскими средствами иноязычное звучание. Но имеется и широкая промежуточная зона, где выбор решения неочевиден.

Разумеется, ни одна энциклопедия не пытается ввести названия *Рóма*, *Парí*, *Кúкero* вместо *Рим*, *Пари́ж*, *Цицеро́н*. Молчаливо предполагается, что здесь уже ничего не поделаешь: «порчу» (по сравнению с языком-источником) исправить уже невозможно. В действительности же подобная «порча» есть не что иное, как результат (и свидетельство) того, что эти названия уже очень давно освоены русским обществом (по крайней мере образованной его частью), прочно входят в состав общекультурного фонда этого общества. Соответственно, когда те же энциклопедии дают *Гúтенберг* вместо традиционного *Гутенбéрг* или *Стóкгольм* (и даже *Стóлк-хольм*) вместо традиционного *Стокго́льм*, они фактически трактуют эти слова как неосвоенные, т. е. не считают эти слова частью уже сложившегося общекультурного лексического фонда и приглашают читателя на позицию тех, кто ни об этом человеке, ни об этом городе ничего не слышал.

Как ясно из всего изложенного, для названий, относящихся к средней части рассматриваемой шкалы, найти решение, которое удовлетворило бы одновременно всех носителей русского языка, невозможно. Настоящий словарь характеризуется в этом вопросе некоторым умеренным общим уклоном в сторону традиционных решений. Мы надеемся, что тем самым словарь в какой-то степени послужит противовесом общей иностраннонаправленной тенденции справочников и энциклопедий, которая ведет к неоправданному отрыву современного языка от языка классической русской литературы XIX–XX веков.

Уклон в сторону традиционных решений не означает, конечно, что мы считаем приемлемыми для современного языка любые старые названия. Скажем, древнее название *Стекольно* для Стокгольма или *Веденец* для Венеции ныне прочно забыто. Дидро ныне уже только *Дидро́*, но никак не *Дидеро́т*. Многие варианты наименований, обычные для XIX — начала XX века, теперь уже воспринимаются как устаревшие или по крайней мере как устаревающие, например: *Эрива́нь*, *Тифли́с*, *Босто́н*, *Мильто́н*, *Пинда́р*, *Тацít*. Во всех таких случаях мы, конечно, приводим современную форму названия: *Ерева́н*, *Тбили́си*, *Бо́стон*, *Ми́льтон*, *Пи́ндар*, *Та́цит* и т. д. (хотя некоторые устаревшие или устаревающие варианты при этом могут быть упомянуты). Существенно то, что мы фиксируем реальное изменение русского языкового узуса, а отнюдь не просто даем сведения о том, как обстоит дело в языке-источнике.

Шкала переходов от случаев господства руссконаправленного варианта имени собственного до случаев господства иностраннонаправленного варианта допускает

множество тонких градаций. Передать их в точности словарными средствами невозможно, и мы вынуждены делать это со значительным огрублением. С точки зрения словарного оформления здесь различаются следующие случаи.

а) Имя собственное дается без вариантов и помет. Так оформляются случаи фактического господства в реальном языковом узусе руссконаправленного или, напротив, иностраннонаправленного варианта, например: **Рим, Стокго́льм, Гутенбе́рг** или, с другой стороны, **Кли́вленд, Зи́гфрид**.

б) Название дается с двумя ударениями, но один из вариантов ударения помечен как устаревший (или устаревающий), например:

Оксфо́рд (-фо́- *устар.*)

Та́цит (-ци́т *устар.*)

в) Название дается с двумя ударениями, но имеется помета, где одному из вариантов ударения (обозначенному сокращенно) приписан символ ♠, например:

Ко́рдова (Ко́- ♠)

Иба́ррури (-ба́- ♠)

Такая запись означает, что вариант с ♠ (почти всегда иностраннонаправленный) не соответствует основному литературному узусу, а представлен лишь в речи людей, связанных по роду своей деятельности с соответствующей страной, или в речи части специалистов-филологов. Таким образом, в данном случае основное литературное ударение *Кордо́ва*, *Ибарру́ри*, а ударение *Ко́рдова*, *Иба́ррури* представлено только в указанных особых ситуациях.

г) Имя собственное дается с двумя ударениями без специальных помет, например:

По́тсда́м

Ре́мбра́ндт

Это означает, что два акцентных варианта с точки зрения современного литературного узуса примерно равноценны. Такая запись не исключает, впрочем, возможности некоторого стилистического различия конкурирующих вариантов. Например, в данном случае, в соответствии с общей моделью соотношения руссконаправленных и иноязычнонаправленных вариантов, ударения *Потсда́м*, *Рембра́ндт* имеют легкую окраску традиционности, а ударения *По́тсдам*, *Ре́мбрандт* — легкую окраску новизны. Но здесь это различие незначительно, и наш словарь его не отмечает.

Если два варианта различаются не ударением или не только ударением, то используется развернутая запись, например:

Уа́йлд [// Уа́йлд]

Как и в случае с двумя ударениями, такая запись не исключает некоторого стилистического неравенства этих вариантов.

д) В небольшом числе случаев сопутствующий вариант имеет помету *офиц.*, например:

Стра́сбург [*офиц.* Стра́сбу́р]

Таким способом отмечаются варианты, используемые в основном лишь в официальных изданиях и почти не проникающие в живую речь.

Помимо противопоставления фамилий по признаку их происхождения («русского происхождения — иностранного происхождения»), существенно также их противопоставление по признаку «принадлежащая русскому — принадлежащая иностранцу». Именно это второе противопоставление имеется в виду, когда мы говорим просто «русская фамилия» или «иностранная фамилия».

Фамилия иностранного происхождения, принадлежащая русскому (например, из обрусевшей семьи), обычно обнаруживает более полную степень фонетической и акцентной русификации, чем та же фамилия у иностранца. Ср., например, *Якобсо́н* — фамилия русского и *Якобсон* — фамилия шведа или эстонца. Наиболее известные случаи этого рода в нашем списке специально отмечаются. Но такое же соотношение в действительности может встретиться и в не отмеченных у нас случаях; скажем, если *Макдо́нальд* станет фамилией русского, эта фамилия может получить и другое ударение — *Макдо́нальд*.

Вообще, варьирование ударения в принципе может встретиться в фамилиях любого происхождения. Например, большинство носителей фамилии *Иванов* произносят ее *Ива́нов*, но некоторая их часть — *Ива́нов*. В нашем списке подобная вариативность отмечена только в нескольких наиболее известных случаях. В прочих случаях мы ограничиваемся приведением основного варианта, т. е. самого частого в роли самоназвания и господствующего в устах третьих лиц. Необходимо, таким образом, иметь в виду, что у ряда приводимых нами фамилий в принципе могут встретиться отдельные носители, которые акцентируют эту фамилию иначе.

С проблемой иноязычных имен собственных отчасти сходна также проблема местных вариантов российских топонимов. В силу различия диалектных акцентных систем многие топонимы (в особенности микротопонимы) имеют в речи жителей соответствующей местности иное ударение, чем то, которое естественно для слов той же фонетической и морфологической структуры в литературном языке. Отсюда возможность расхождения между традиционным названием некоторого географического объекта в литературном языке и его местным названием.

Как и в случае с иностранными топонимами, здесь нельзя считать традиционное ударение, не совпадающее с местным, просто ошибкой, подлежащей исправлению. В силу своей принадлежности литературной традиции оно имеет самостоятельную ценность. В настоящем словаре в вопросе о местном ударении приняты в общем те же принципы, что и в вопросе об ударении в иностранном языке-источнике. Топонимы, известные безусловному большинству носителей русского языка, даются с ударением, обычным для литературного языка, даже если оно расходится с местным, например: *Черепове́ц* (местн. *Черéповец*), *Ме́цѣра* (местн. *Ме́щера*). Менее известные топонимы в большинстве случаев приводятся с ударением, принятым в соответствующей местности, например: *Торо́пец*, *Оредеж*, *Пе́ченга*. Если, однако, местное ударение резко расходится с той акцентной моделью, к которой принадлежат в литературном языке слова с данной

морфологической или фонетической структурой, то дается всё же более естественный для литературного языка вариант (но указывается также и местный), например: *Усть-Цѣльма* (местн. *Усть-Цильма*), *Кондопо́га* (местн. *Ко́ндопога*). Таким образом, наиболее важные случаи расхождения между местным и литературным ударением в словаре отмечены, но задача указать все такие случаи в словаре не ставится.